

Впрочем, радость Цзян Суйчжоу длилась недолго. После того как Чэнь Ти признали виновным, Ци Минь проявил неуступчивость: он засыпал императора прошениями, чем до смерти ему надоел. В итоге государь в сердцах велел заодно наказать и нескольких сообщников Чэнь Ти из Министерства ритуалов. Хотя их вина была не столь серьезна, их всех в той или иной степени понизили в должностях.

Но Цзян Суйчжоу никак не ожидал, что в этом списке окажется и Цзи Ю. Казалось бы, дело закрыто и больше его не касается, но спустя два дня после выхода из тюрьмы Цзи Ю обвинили в «недостаточном надзоре за подчиненными», лишили чина и сослали на службу в Хуэйчжоу.

Хуэйчжоу была не так уж далека и не так глуха, как Линнань, но для человека в возрасте Цзи Ю перевод из столицы в провинцию означал крах карьеры. С Цзи Ю уже сняли все обвинения, но Пан Шао всё равно нашел способ его уязвить.

Цзян Суйчжоу стоило лишь немного подумать, чтобы понять: Пан Шао использовал Цзи Ю в их негласной дуэли, чтобы предостеречь принца. Он давал понять: под началом Пан Шао даже успешное спасение человека не закончится добром.

Цзян Суйчжоу почувствовал, как в груди закипает глухая ярость. Два дня он не заходил к Хо Уцзю. Он отыскивал в своем кабинете несколько редких фолиантов из коллекции прежнего владельца тела и вместе с пачкой ассигнаций на дорожные расходы велел Мэн Цяньшаню доставить их в дом Цзи Ю.

Мэн Цяньшань вернулся быстро. Цзи Ю принял книги, но деньги вернул.

Протягивая ассигнации Цзян Суйчжоу, евнух доложил:

— Ваше Высочество, господин Цзи сказал, что денег на дорогу ему хватит, и просил вас не тратиться.

С этими словами он достал из-за пазухи тонкое письмо и передал принцу:

— Господин Цзи еще написал пару слов и велел передать Вашему Высочеству.

Цзян Суйчжоу развернул послание. На бумаге размашистым, свободным почерком было выведено:

«Благодарю Ваше Высочество за спасение и прошу вас более не винить себя. Пейзажи Хуэйчжоу чарующи, а сливы там цветут особенно пышно; я давно мечтал там побывать. Если рассудить, то, выехав пораньше, я успею застать цветение знаменитой зеленой сливы, прежде чем она опадет. Разве это не радость?»

Дочитав до этого места, Цзян Суйчжоу расслабился, и на его губах наконец появилась едва заметная улыбка. В этой жизни у каждого свои пристрастия и стремления. Пан Шао мерил всех по себе, считая чины и богатство единственными ценностями, и потому полагал, что крах карьеры — самое суровое наказание для Цзи Ю. Но он не знал, что его «кара» для Цзи Ю почти ничего не значит. Для Цзян Суйчжоу это стало утешением в череде неудач.

Однако... Принц некоторое время всматривался в строки, а затем бережно убрал письмо. Пусть для самого Цзи Ю ссылка была безболезненной и давала шанс насладиться горами и водами, Цзян Суйчжоу не собирался забывать эту обиду. Он обязательно сведет счеты с Пан Шао.

Но сейчас Пан Шао безраздельно властвовал при дворе, особенно в Министерстве чинов,

ведающем назначениями и переводами. Противостоять ему было невероятно трудно.

Хо Уцзю два дня не видел Цзян Суйчжоу. Приняв лекарство, он был вынужден оставаться в четырех стенах; иногда сквозь окно он видел снующую во дворе челядь, но сам выйти не мог. Ему казалось, что после процедур боль в ногах стала сильнее, отчего и настроение испортилось — никакие «Заклятия ясного сердца» не помогали. Эти два дня тянулись для него мучительно долго.

На третий день Ли Чаннин, как обычно, ставил ему иглы.

На середине сеанса Хо Уцзю вдруг спросил:

— За последние два дня состав лекарства меняли?

Ли Чаннин опешил:

— Нет, что вы!

Он поднял взгляд на Хо Уцзю и увидел, что тот сидит, нахмурившись.

Услышав ответ, генерал потер переносицу и коротко хмыкнул.

— Генерал, вы почувствовали что-то необычное в эти дни? — обеспокоенно спросил лекарь.

Хо Уцзю помедлил:

— Нет. Просто спросил.

Ли Чаннин кивнул и продолжил работу. Вэй Кай, заметив состояние командира, понял, что дело неладно. Он подошел к кровати и тихо спросил:

— Генерал, что-то случилось?

Хо Уцзю помолчал немного:

— Были ли за эти два дня какие-то новости из поместья принца Цзина?

Вэй Кай задумался:

— Я ничего такого не слышал. Но сегодня утром, когда я шел сюда с лекарем Ли, евнух принца велел мне быть поосторожнее.

Хо Уцзю замер и вскинул на него взгляд:

— Что именно он сказал?

Вэй Кай даже немного растерялся — ему показалось, что генерал спросил об этом слишком уж быстро.

— Да ничего особенного. Сказал, что принц последние пару дней не в духе, и просил не лезть на рожон.

Хо Уцзю отвел взгляд. Значит, действительно что-то произошло. Больше он не спрашивал, а его

люди, проявив тактичность, занялись своими делами. Когда сеанс окончился и они ушли, Хо Уцзю уставился в окно, глубоко нахмурившись.

Два дня назад всё было прекрасно. Что могло его так рассердить?

В душе Хо Уцзю поселилось беспокойство, и он принялся гадать. Может, что-то случилось при дворе? Но принц не выходил из дома, и гостей в поместье не было. Весь день Хо Уцзю не находил себе места.

К счастью, на закате пришел Цзян Суйчжоу. Хо Уцзю к тому времени уже поужинал и сидел на кровати, делая вид, что увлечен книгой.

Цзян Суйчжоу сел рядом и спросил:

— Как ты себя чувствовал эти два дня?

Хо Уцзю отложил книгу и, проигнорировав вопрос, спросил сам:

— Что случилось?

Цзян Суйчжоу оторопел. Он не ожидал, что вести дойдут до Хо Уцзю, и не думал, что тот спросит об этом так прямо и естественно.

Видя его замешательство, Хо Уцзю добавил:

— Говорят, ты эти дни сам не свой от злости.

В груди Цзян Суйчжоу внезапно разлилось странное тепло. С тех пор как он узнал о ссылке Цзи Ю, его не покидало раздражение. Окружающие боялись к нему подойти, и он это чувствовал. Поскольку он был для них «господином», они не смели перечить ему и уж тем более задавать лишние вопросы. Ему некому было довериться, не с кем поделиться наболевшим. Хотя он не считал себя чувствительным натурой, но когда копишь всё в себе, на сердце становится невыносимо тяжело.

Он и не чаял, что Хо Уцзю спросит. И уж тем более не думал, что Хо Уцзю — именно тот человек, которому он может во всём признаться.

Помолчав, принц тихо заговорил:

— Господина Цзи из Министерства ритуалов сослали. На днях он должен отправиться в Хуэйчжоу.

Хо Уцзю нахмурился:

— Разве он не был оправдан?

— Его обвинили в недостаточном надзоре за подчиненными. После ареста Чэнь Ти дело полностью перешло в руки министерств Наказаний и Чинов, я никак не мог вмешаться.

Хо Уцзю помолчал и констатировал:

— Значит, это приказ Пан Шао.

Цзян Суйчжоу невесело усмехнулся и выдохнул:

— Именно. Он проиграл мне в тот раз и решил отыграться, испортив мне кровь. Господин Цзи просто оказался случайной жертвой в нашей схватке.

— Раз он пошел на службу, он должен был осознавать риски, — заметил Хо Уцзю. — Всего лишь ссылка, притом в не самое худшее место. Подальше от двора — возможно, для него это благо.

Но Цзян Суйчжоу покачал головой.

— Другие могут так думать, но я — нет, — произнес он. — Как ни крути, его беда случилась из-за меня. Я не могу просто сидеть сложа руки.

Он едва слышно вздохнул:

— Но это же Пан Шао...

Хо Уцзю промолчал.

Цзян Суйчжоу и сам знал, что генерал заперт в поместье и даже ходить не может, так что помочь ничем не в силах. Он и не ждал совета; просто выговорившись, он почувствовал, что на душе стало чуточку легче.

Принц взял книгу, оставленную Мэн Цяньшанем, и сказал:

— Я два дня не приходил и уже немного забыл, на чем мы остановились.

Он хотел сменить тему и продолжить чтение для Хо Уцзю.

Генерал молча наблюдал, как тот с напускным безразличием перелистывает страницы, и в груди у него невыносимо защемило.

«...Не должен он нести это бремя, но раз уж он родился в императорской семье, оно тяжким грузом легло на его плечи. Будь он бессердечным и наглым тираном — полбеда, но он ведь до крайности мягкосердечен. Берет на себя даже то, что его не касается, а когда силы на исходе — продолжает стоически держаться».

Цзян Суйчжоу нашел нужное место и начал было читать своим спокойным, тихим голосом. Но не успел он прочесть и пары строк, как осекся. Принц удивленно поднял голову: Хо Уцзю внезапно выхватил книгу у него из рук.

— Теперь я, — коротко бросил Хо Уцзю.

На лице Цзян Суйчжоу отразилось крайнее изумление. Он смотрел, как Хо Уцзю придвигает лампу поближе. Выражение лица генерала оставалось холодным и отстраненным, но в движениях сквозила какая-то необъяснимая неловкость. Он не поднимал глаз и не смотрел на принца — словно это была его неумелая попытка утешить.

Цзян Суйчжоу на мгновение лишился дара речи. В груди стало горячо, и то гнетущее уныние, что копилось в нем, начало капля за каплей сгорать. Он замороженно смотрел на Хо Уцзю, не в силах вымолвить ни слова.

Хо Уцзю опустил взгляд и при свете лампы открыл книгу. Его холодное и бесстрастное выражение лица внезапно застыло. Брови медленно поползли к переносице, и он вскинул глаза на Цзян Суйчжоу.

— ...Ты последние несколько дней читал именно ЭТО? — спросил он.

Цзян Суйчжоу опешил:

— Ну да, а что?

Взгляд Хо Уцзю одеревенело уткнулся в страницы. В отличие от того плавного, простого и понятного языка, на котором Цзян Суйчжоу читал ему всё это время, текст в книге был невообразимо тяжелым. Повсюду встречались редкие, архаичные иероглифы; для Хо Уцзю это выглядело как инопланетная тайнопись. Всего пара строк — и у него заныло в затылке.

Цзян Суйчжоу подался вперед, заглянул в книгу и тут же всё понял. Текст и впрямь был написан на крайне сложном вэньяне (классическом китайском). Автором был великий книжник прошлой династии, который очень щепетильно подходил к выбору слов и построению фраз. Разговорная речь древних и их книжный язык сильно различались; такие предложения нельзя просто читать вслух — их нужно переводить на ходу, чтобы смысл стал понятен.

Поскольку Цзян Суйчжоу был профессионалом в этой области, перевод давался ему легко и непринужденно.

— Книга та же самая, просто написана она тяжеловато для слуха, вот я и адаптировал ее немного, — пояснил он.

Хо Уцзю промолчал.

Цзян Суйчжоу с недоумением посмотрел на него.

«Пусть он и военный, но всё же человек той эпохи. Неужели он совсем ничего не понимает? Но... почему у него такое лицо?»

Не дав Цзян Суйчжоу времени разобраться, Хо Уцзю внезапно захлопнул книгу, небрежно отложил ее в сторону и сухо произнес:

— Давай другую. Эта мне еще в прошлые дни показалась занудной, в ней нет ничего интересного.

Цзян Суйчжоу растерялся еще больше. «Да ладно... Вроде бы, когда я тебе читал, ты слушал с большим воодушевлением?»

От автора: Кто бы мог подумать, что прославленный генерал Хо на самом деле... немного слабоват в грамоте? ~

<http://bllate.org/book/16965/1581830>